

Японский журавль летит в Японию

Об удивительном спектакле "Тристан и Изольда", которым певица и актриса Ольга Александрова дебютировала в качестве главного режиссера Ижевского молодежного драматического театра "Иднакар", мы сообщали в марте. И вот осень, пора отлета, и новая, вновь необычная, работа театра: "Журавлиные перья", драматическая легенда-сказка в одном действии по пьесе Дзюндзи Киносита. О ней рассказывает сама О. Александрова, стажирующаяся сейчас в Москве.

— Этнографическим театром в России сейчас занимаются немногие. Между тем на рубеже тысячелетий, как никогда, ощущается необходимость обновления, и наш молодой театр активно ищет новые формы. Мне представляется, что сегодня наиболее интересен, перспективен некий синтез традиции и модерна, архаики и авангарда. Но традиционной культурой в таком экспериментально-творческом плане занимаются больше на Западе. А мы по-прежнему не ценим то, что имеем — и в каких количествах! В России сохранился живой фольклор, обряды, ритуалы, традиционные культуры десятков народов... Что касается меня, то сегодня мне интересен театр сим-

волический, спектакль, обладающий многомерной, объемной образной структурой.

Современная популярная пьеса Дзюндзи Киносита привлекла нас прежде всего самой легендой, положенной в ее основу. В сущности речь идет об истинных ценностях жизни, что, по-моему, очень важно для нового поколения молодых людей. Известные противоречия выбора между духовным и материальным, любовью и златом... даже проще: что такое деньги и как они разрушают любовь. Широко известная история о женщине-журавлихе несет в себе глубинную мощь древних архетипов, мировых символов: Женщина, Птица... магическая сущность женщины... Япония же манила неповторимой

индивидуальностью своей культуры. Впрочем, все традиционные культуры неповторимы, и мне, как режиссеру, интересна любая из них.

Конечно, проблемы, идеи спектакля актуальны и современны. Но огромное значение имела сама форма вхождения в японскую культурную традицию: через

ритуал чайной церемонии, кимоно, традиционные прически, грим, пластику, музыку (впрочем, традиционная музыка сочетается у нас с современными компо-

зициями Ки-таро, Мазакуи Кога, групп "Спринг", "Шико но фье"). Хотелось создать на сцене особый мир, добиться медитативного, даже терапевтического эффекта, заворочить зрителя магией японской культуры, погрузить его в очищающую атмосферу утонченной красоты.

Конечно, мы не японцы, все происходящее на сцене отражает лишь наши представления о японской культуре. Но мы старались не спешить, не дешевиться. Анатолий Степанов изготовил керамику для чайной церемонии, великолепные костюмы

— Нина Щелконогова и Татьяна Кудашева, головные уборы — Елена Кудряцева, над прическами и гримом трудилась Вера Черных... Конечно, и актеры в предложенных изысканных условиях вели себя совершенно иначе, чем, скажем, в "Тристане и Изольде". Здесь их всего четверо: Ольга Ганева (Цу, женщина-журавль), Игорь Люкин (Иохю, бедняк, ее муж), Маргарита Кожевникова (Содо, торговка) и Петр Денисов (торговец, муж Содо).

...Что касается некоей мифической связи между удмуртами и японцами, скажу одно: по лицу удмурта, равно как и японца, никогда не поймешь, о чем он думает, что у него на уме. Такая вот общая интравертная психология. Но удмурты живут посреди европейского континента, и их, как и других финно-угров, все норовят сделать "настоящими европейцами". А мы, я думаю, все-таки Восток...

Что ж, Восток, как известно, дело тонкое. А в тонкие материи надо вникать осторожно, не торопясь, и лучше — самолично. Может, москвичи увидят спектакль театра "Иднакар" на фестивале "Золотая маска"?